Наталия ЧЕРНЫХ

ИСТОРИЯ ТРЕХ ИЗМЕРЕНИЙ В ТРЕХ КНИГАХ

Поэтические новинки 2020

Весенне-летняя коллекция поэтических книг пополнилась новинками, неожиданными для меня самой. Когда открываешь поэтическую книгу, у которой хорошая рекомендация, невольно оставляешь дверь восприятия приоткрытой для обратного хода. Отличная рекомендация может повлиять на выбор книги для обзора, поможет написать рецензию, но процесс глубокого чтения она не запустит. Получилось так, что процесс все же пошел.

Перечислю издательства, в которых вышли книги для обзора. Московский «Стеклограф» снова обратил на себя внимание. Изысканная и трудоемкая «Башня из белых стиральных машин» Владимира Навроцкого издана еще в допотопном 2019 году, но актуальность ее только растет в 2020. Уральская «InВерсия», проект академический, сделала решительный жест, издала «Движение скрытых колоний» Марии Малиновской. Это третий выпуск серии: удачное число, яркий автор. Эта книга должна бы оказаться в зоне особого внимания. «Арт Хаус Медиа», издательство опытное и неторопливое, выпустило книгу стихов «Быстрая Синева» Наталии Разувакиной – чтение и правда на хорошей скорости, здесь поэзия как март, обжигающе-холодная и узнаваемо-доверчивая.

Три выбранные мной книги разные настолько, что у меня в глазах вещи долгое время троились. Три разные вселенные – одно и то же слово в трех книгах означает и другое, и третье, и еще нечто большее; так, что казалось, что это разные слова. Разнообразием не удивишь нынче, но что же общего? Разговор будет и об этом. Осторожный и уверенный крой стихотворений Марии Малиновской (действительно похожих на лекала или на знак интеграла) в принципе не может пересечься со стихотворениями-статуэтками, стихотворениями-башенками, стихотворениями-роботами Владимира Навроцкого. Можно потянуть кота за уши и сказать что-то о либеральном сознании, но уже на десерт; да и вряд ли время останется, хотя многие из пишущих о поэзии авторов совсем недалекого прошлого оценили бы такие политические сливки. Для меня книга «Движение скрытых колоний» настолько же эротическая, насколько и поэтическая. И уж тем более стихотворения Владимира Навроцкого и Марии Малиновской, которым худо-бедно общий знаменатель нашли (порождения либерального сознания), ничего общего не имеют с весело-утонченной и очень религиозной поэзией Наталии Разувакиной. Но тем не менее: все три мира вертятся вокруг человека, хотя человек в них разный. Его можно запустить в мясорубку, проливая крокодиловы слезы, как в «Башне из белых стиральных машин» Владимира Навроцкого. Его можно фотографировать внаглую, как в «Движениях скрытых колоний» Марии Малиновской. Человека, наконец, можно рассматривать как Божье насекомое под державинской лупой, как в книге Натальи Разувакиной. Но именно он, а не некое новое киберсущество, является центром.

Владимир Навроцкий. Башня из белых стиральных машин / Предисловие А. Александрова. – М.: Стеклограф, 2019. – 104 с.

Осторожный и легкий почерк предисловия опытного в издании поэзии Алексея Александрова помогает читателю понять систему координат, в которой существуют

стихотворения Владимира Навроцкого. Поэт пишет о поэте, и у меня это вызывает доверие: автор предисловия «в деле», он знает, как представить книгу: «*Мы все в какой-то мере то, что нам снится. И не только потому, что, проснувшись, не можем точно провести границу между сном и явью, сколько потому, что наша история, детство, одним словом воспоминания – это тоже сны, не совсем настоящая, отчасти придуманная реальность*». Однако при чтении, даже после такого предисловия, возникает масса вопросов, и прежде всего: это ирония или нечто другое, пост-ирония, термин, который мне кажется неубедительным (как всякий «пост»), но тем не менее уже вошедший в употребление.

Стихотворение с названием «Башня из белых стиральных машин» в книге отсутствует, но таким образом, будто оно есть. Есть ли оно вообще у Владимира Навроцкого, не знаю, и полагаю, что нет. Читатель может его дописать, но вряд ли ему удастся в точности скопировать работу автора. Здесь, уже от самого названия, выходим к системе координат: подлинность и копия, прошлое и будущее. Сквозняки ходят по всем стихотворениям. Названия монструозно роскошные, порой плотоядные («Соскобы помады с кожи»), порой неопределенно-прозрачные («Дней восемь или десять»), порой агрессивно точные («Энтропия», «Деструкторы»). Каждое название может быть строчкой стихотворения, и в этом вижу отличную работу с концептуальным пластом двадцатого и двадцать первого века. Книга почти идеально сконструирована, и при желании можно подобрать метафору: мол, автор сделал содержание-чип, и если книгу издать онлайн, то это будет нечто вирусное, очень активное, благодаря парадоксальным внутренним связям.

На мой глаз, эта книга о уходящей роскоши эпохи потребления, и «эпоха потребления» здесь отнюдь не ругательное слово. Это обозначение мира, где почти нет агрессии, есть возможность постоянного общения и все средства для этого, не говоря о модной одежде, изысканной еде и отличной сфере обслуживания утонченных интересов. На задней стенке каждого стихотворения висит либо постер Мэрилина Мэнсона, а то вообще Тома Уэйтса или Леонарда Коэна, а в ящиках лежат старые номера журналов, которые в конце девяностых казались невесть каким откровением, все это овеяно нежной тоской и совсем скоро исчезнет.

И никто не додумался просто спросить и внести в протоколы
Кто такие «румяные» «гимназистки»,
как правильно смешивать ром с пепси-колой,
Чем в фамильном имении пахнет туман, пришедший с реки
Если праздник и лето и свечи и полночь и над столом мотыльки.

Какой журнал котировался выше, «Ом» или «Птюч»?
Погиб ли Горбовский в прекрасной книжке «Страна фиолетовых туч»?
Подумать только,
мы трогали носителей этого знания,
могли с ними поговорить,
И только потом их запихивать в мясорубку,
толстокожие мы идиоты,
и только потом варить.

«Реквием по свободе» (а именно это словосочетание просится на язык) здесь не совсем точен. Вся книга, кроме в общем бестолковой (равно как и милой) изобильности нулевых пронизана тонким и конкретным ужасом. Читать ее надо сейчас. Эта последняя, ненавязчивая нежность согреет на новом холодном ветру. А ужастики люди любили всегда.

Мария Малиновская. Движение скрытых колоний / Сост. Е. Симонова; послесл. А. Порвина. – Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2020. – 60 с. – (Серия «InВерсия»; вып. 3)

Насыщенное (и с отсылкой к недавнему А. Бадью) послесловие вдумчивого Алексея Порвина к этой книге пробудило во мне древние размышления о возрастающей роли синтагматических средств выражения русского языка. Порвин пишет: «*Короткие синтагмы усиливают впечатление от поэтической речи как пульсирующего потока, в котором напряжённость высвечиваемых смысловых сгустков осмысляется в своей многоплановости – и осмысление это бывает поистине трудным*». Он выделяет синтагмы, и я согласна с тем, что все «Движение скрытых колоний» идет вокруг синтагм. Именно синтагма – моментально составленное избранное (чувств и впечатлений), интеграл, свод (или как сейчас говорят: сейв) играют определяющую роль (в данной поэтической книге они действительно короткие).

Порой синтагмы очень резко выделяются из общего потока, раздражают, но они и держат, они координируют это «скрытое движение» (здесь отмечу очень точное название книги).

получи память мою как первичную форму
получи мои пространственные окончания

Память как первичная форма. Эта синтагма возникает в титульном стихотворении книги и, видимо, является основной для всего «движения скрытых колоний». На шестидесяти страницах расположено несколько циклов, и у каждого цикла (как у военного корпуса или потока беженцев) есть свое, отличное от других, движение. Корпус естественным образом распадается на нечто более мелкое, и эти части так же приобретают движение, отличное от движения других частей. Ужас бесконечного деления и отвращение от прогрессирующей несвязности текста поглотили бы все существо читателя, если бы не эти синтагмы. Это как указатели: аптека налево, вода направо, пункт выдачи прямо.

Над рухнувшей скалой
кто-то прицепил занавески.
Мы их снимем,
и ты подвяжешь мне волосы.
Я буду собирать рыбок,
пленённых в камнях,
и ступать по одной линии,
разведя руки в стороны.

Но если, спускаясь с каждой горы,
оставлять там дом,
то можно забыть,
где на самом деле восходит солнце.
И я забыла.
Теперь мечтаю только о колодце
с перекладиной для качелей вместо журавля.

По сути это описание некоего абсолютного, идеального движения отдельно взятой колонии: назовем ее «я»), которая способна учитывать и движение других колоний («ты») и нечто, не касающееся ее, но существующее где-то рядом. У этого стихотворения есть вторая часть, в которой возникает «чокнутая жена плантатора», движения которой похожи на движения «я».

Мне эта книга понравилась тем, что здесь много нечаянных, но очень своевременных рифм (солнце – о колодце), возникающих именно на смысловых узлах и дающих полноту ощущения поэтической гармонии. Когда-то употребляли термин «оркестровка» по отношению к стихотворению. Книга «Движение скрытых колоний» отлично оркестрована. Читатель с опытом чтения такой поэзии получит несомненное удовольствие. Однако внимание: расслабиться книга не даст.

ведёт
другая сила
плотность жизни ниже чем

меня не остаётся

Наталья Разувакина. Быстрая Синева. Избранные стихи 2017-2019 / Предисл. И. Вишневецкого, М. Кудимовой, С. Круглова. – М.: Арт Хаус медиа, 2020. – 298 с.

Почти триста страниц стихотворений с предисловиями звезд поэтического сообщества. Интригует и название: «Быстрая синева». Стихи здесь бесшабашные, разгульные и очень нежные. По контрасту с предыдущими книгами, сохраняющими напряжение, выматывающими, требующими – «Быстрая синева» кормит и поит, это почти бестревожное парение в приближенном к небу пространстве.

То не ветер ветку клонит,
ветки вовсе высоко,
то меня по жизни гонит
стая мысленных волков.
Легион в затылок дышит –
всё равно не убежишь.
Если есть такие мыши –
буду мысленная мышь.
Неумышленно летучей,
непростительно живой
буду мышью самой лучшей,
если сзади волчий вой…

Небом называлась храмовая завеса в древнееврейском храме. Нечто очень красивое и очень символическое. Не сметь поднять глаза на небо – значит смотреть в пол, в землю. Но поэт, даже смотря в землю, смотрит на небо, как камбала. В поэта при рождении налито много счастья, которое и несет каждое стихотворение «Быстрой синевы». Потому эти стихи такие странные, «опьяневшие», почти отчаянные и ясные.

«*Поэзия – область человеческого, сфера жизни как таковой, юдоли по преимуществу и смерти – как для кого: завершения или продолжения жизни. И этого Наталья достигает достаточно часто: “Было в мире доброе и злое, а сегодня просто снегопад”; “А жизни осталось на две сигареты”; “В анамнезе – просто жизнь, Жестокая и густая”…*» – этот фрагмент из короткого предисловия Марины Кудимовой показался мне достойным резюме для этой книги. Этой мысли вторит и Сергей Круглов: «*Поэзия как атмосфера для дыхания, как мирочувствование и мировоззрение, как плоть и кровь человека, принявшего этот дар и дух таинственно и свыше, единожды и неотменимо навсегда…*».

Мое личное впечатление: эти стихи хороши тем, что легко развязывают некоторые узелки (например, отношений с Гваттари), на которые многие авторы указывают с

неподобающе серьезным выражением лица. Именно такая быстрая синева в нашей жизни бывает необходима.

Самоизоляция, конечно, не лучшее время для углубленного чтения (работа забирает слишком много времени), зато в каждой из книг читатель найдет желанного собеседника.